

Незна- читель- ная деталь

• Адания
Шибли

No Kidding Press

Адания Шибли
Незначительная деталь

«ВЕБКНИГА»

2021

Шибли А.

Незначительная деталь / А. Шибли — «ВЕБКНИГА», 2021

ISBN 978-5-60447-495-2

«Незначительная деталь» начинается летом 1949 года, через год после окончания войны, которую палестинцы оплакивают как Накбу – катастрофу, повлекшую за собой изгнание 700 000 человек, а израильтяне прославляют как Войну за независимость. Израильские солдаты захватывают в плен и насилюют палестинскую девушку, затем хоронят ее в песке. В наши дни молодая женщина в Рамалле становится одержима этой «незначительной деталью» истории и отправляется в путешествие, чтобы узнать подробности случившегося. Проникая в суть палестинского опыта отчуждения, «Незначительная деталь» говорит о войне, насилии, жизни в условиях оккупации и попытках мыслить и действовать с достоинством в условиях продолжающегося бесправия и стирания твоего опыта.

ISBN 978-5-60447-495-2

© Шибли А., 2021

© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Адания Шибли

Незначительная деталь

تفصيل ثانوي

عدنية شibli / رواية فلسطينية

الطبعة الأولى عام 2017

Перевод: Александра Голикова
Редакторка: Ольга Дергачева
Корректоры: Юлия Кожемякина, Настя Воынова
Верстальщица: Юлия Кожемякина
Дизайн обложки: Юлия Попова
Техническая редакторка: Лайма Андерсон
Издательница: Александра Шадрина

Copyright © Adania Shibli 2017

© Александра Голикова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021

تفصيل ثانوي

1

Если что-то здесь и двигалось, то только мираж. Под его гнетом беззвучно дрожали беспредельные сухие земли, пластами поднимаясь к небу. В резком свете полуденного солнца почти стирались неясные очертания желтых песчаных дюн. Среди неровностей и изгибов, пронизанных тонкими тенями колючего кустарника и пунктиром камней на склонах, различалась лишь смутная линия. И кроме этого – ничего. Только бескрайние бесплодные просторы пустыни Негев, над которой навис август с его беспощадной жарой.

Единственными признаками жизни вокруг были далекий вой и крики солдат, разбивавших лагерь. Эти звуки достигли слуха того, кто в бинокль обозревал пустынный пейзаж с позиции на вершине холма. Хотя яростный свет так и бил в глаза, он продолжал изучать борозды узких троп в песке и иногда надолго задерживался взглядом на одной из них. Наконец человек опустил бинокль, отер с него пот, убрал в чехол и направился обратно в лагерь, прокладывая путь сквозь плотный, тяжелый полуденный воздух.

Прибыв сюда, военные обнаружили две хижины да развалины третьей – вот и всё, что осталось после жестокой бомбардировки, которой местность подверглась в начале войны. Зато теперь рядом с постройками стояли две палатки – командирская и столовая, а воздух сотрясался от стука вбиваемых кольев и шестов – ставили еще три, для солдат. Как только он вернулся, его заместитель, старший сержант, сразу же доложил, что площадь полностью расчищена от камней и обломков, а группа солдат в настоящее время занята восстановлением траншей. В ответ он велел завершить все приготовления до темноты и приказал: офицерам, а также некоторым сержантам и рядовым взвода немедленно собраться в палатке командования на совещание.

Солнечный свет заполнял палатку: струился сквозь вход и растекался по песку, очерчивая мелкие отметины от солдатских ботинок. Свою речь он начал с объяснения: помимо демаркации южной границы с Египтом и защиты ее от лазутчиков, главная цель их присутствия здесь – прочесать всю юго-западную часть Негева и зачистить ее от оставшихся арабов. По данным воздушной разведки, там наблюдалась активность со стороны арабских партизан. Также необходимо предпринимать ежедневные вылазки, чтобы ознакомиться с районом и исследовать территорию вглубь. Хотя операция может занять немало времени, придется оставаться здесь, пока эта часть Негева не будет полностью безопасна. Солдатам понадобятся регулярные учения, чтобы освоиться в пустыне и научиться сражаться в местных условиях.

Собравшиеся слушали, следя за движениями его рук над расстеленной картой, где место лагеря было отмечено маленькой черной точкой, едва заметной на фоне большого серого треугольника. Никто из слушателей никак не прокомментировал сказанное, и в палатке на несколько секунд повисла тишина. Он перевел взгляд с карты на угрюмые лица военных, мокрые от пота и лоснившиеся в свете, что проникал через вход. После паузы он продолжил и призвал командование хорошо следить за солдатами, особенно теми, что во взводе недавно: обеспечивать их всем необходимым снаряжением и обмундированием, а в случае нехватки того или другого сообщать непосредственно ему, а также напоминать рядовым о важности личной гигиены и ежедневного бритья. Наконец, прежде чем всех распустить, он приказал шоферу, одному сержанту и двум капралам из тех, что были на совещании, готовиться к скорому выезду: он собирался произвести первую рекогносцировку.

Перед отъездом он зашел в одну из хижин, которую выбрал для проживания. Его вещи грудой лежали у входа. Сначала он перетащил их в угол комнаты, затем извлек из кучи канистру с водой и налил немного в небольшую жестяную миску. Достал из вещмешка тканевую мочалку, окунул ее в воду и смыл с лица пот, снова намочил, снял рубашку и протер подмышки. Оделся, застегнулся, как следует прополоскал мочалку и повесил ее на гвоздь в стене. Выйдя на улицу, он выплеснул грязную воду из миски в песок, вернулся, поставил ее рядом с остальными вещами в углу и покинул хижину.

Водитель сидел на своем месте, за рулем, а остальные участники вылазки, получившие приказ присоединиться, стояли вокруг автомобиля. При его приближении они заняли заднее сиденье, а сам он направился к переднему. Шофер выпрямился, потянул руку к ключу зажигания и завел двигатель, который сотряс своим ревом воздух.

Они двинулись на запад, прокладывая путь среди бледно-желтых дюн, разбросанных повсюду. За машиной следовало плотное облако песка – он вылетал из-под колес и взвивался высоко в воздух, застилая всё позади. Доставалось и тем, кто сидел сзади, – им пришлось закрывать глаза и рот, чтобы защититься от пыли. Но песчаные волны, меняя форму, и не думали утихомириваться, пока машина не скрылась вдалеке и рев двигателя окончательно не затих. Тогда песок начал тихо оседать на склонах, смягчая две резкие параллельные борозды от шин.

Команда достигла линии перемирия с Египтом и проинспектировала границу, но никаких попыток ее пересечь не обнаружила. Солнце клонилось к горизонту, военные изнемогали от жары и пыли, и он приказал шоферу возвращаться в лагерь. Патрулируя район, они не заметили никаких признаков присутствия людей, несмотря на сводки о перемещениях на этой территории.

В лагерь прибыли до темноты, но на востоке синева неба уже уступила темноте, сквозь которую неуверенно пробивался тусклый свет нескольких звезд. Работы еще не окончились, так что, выбравшись из машины, он первым делом распорядился покончить со всем до ужина. Солдаты тут же зашевелились с возросшей скоростью и бодростью – их силуэты так и сновали в полумраке.

После этого он направился в свое жилище, где его поджидала кромешная тьма. На некоторое время он замер посреди комнаты, потом открыл дверь настежь, чтобы хоть немного разбавить темноту, снял с гвоздя уже совсем высохшее полотенце, вылил на него прямо из канистры немного воды и стер с лица и рук пот и пыль. Опять он наклонился над своими вещами, вынул лампу, снял с нее стекло, поставил ее на стол, но фитиль не зажег и вышел. В хижине он пробыл всего несколько минут, но за это время небо усеяли звезды. Чернота полностью окутала лагерь, как будто ночь разом опустилась на них. Силуэты солдат снова двигались медленно, через темно-синюю ночь доносились их голоса, а робкие лучи от зажженных ламп пробивались сквозь входные отверстия и щели палаток, рассеивая мрак.

Он обходил лагерь, проверяя, как идет работа, а особенно – как восстанавливают траншеи и обустривают площадку для учений. Всё было как будто в полном порядке, вот только обычно взвод собирался на ужин ровно в восемь, а сейчас шел уже девятый час. Однако все потянулись в палатку столовой и расселись за длинными столами.

После ужина он направился напрямик в свое жилище – дорогу освещали полная луна и звезды, рассыпанные над темным горизонтом. Приготовившись ко сну, он прикрутил фитиль, вытянулся на матрасе, откинул одеяло подальше, полностью раскрывшись. Жара, висевшая в комнате, была невыносимой, но уснул он немедленно. Этот день – 9 августа 1949 года – выдался долгим и тяжелым для всех.

Его разбудило какое-то шевеление на левом бедре. Он открыл глаза – темнота в комнате кромешная, жара сгустилась. Всё тело – мокрое от пота. Под его трусы заползла какая-то тварь, немного продвинулась выше и остановилась. Воздух гудел от тишины и неподвижности вокруг, время от времени слышались негромкие голоса солдат, поставленных охранять лагерь. Ветер хлопал тентами палаток, доносился далекий вой собаки и, кажется, рев верблюдов.

Он выждал с минуту, затем очень осторожно приподнял голову и напряг спину – тварь закопошилась. Он снова замер, опустил взгляд на свою голень – поначалу в непроницаемой тьме ничего было не разглядеть, но вскоре он начал различать очертания своих вещей, мебели и деревянных балок, на которые опиралась дощатая крыша. В щели меж досками просачивался тусклый свет луны. Вдруг его рука резко опустилась и сбросила тварь. Он кинулся к лампе на столе, зажег и, как только фитиль загорелся, принялся ходить с ней взад-вперед между кроватью и столом. Однако единственным движением оказалась пляска теней от мелких камушков на полу, начинавшаяся, когда над ними проносили фонарь. Тогда он расширил область поисков: сначала на койке, потом под ней, в углах комнаты, у двери, вокруг сумки, ящика и остальных вещей, на стенах до потолка, на второй кровати, рядом с обувью. Он потряс одежду, висевшую на гвоздях в стене, снова заглянул под койку, тщательно осмотрел весь пол, в том числе углы, опять искал на стенах, на потолке и напоследок изучил свою тень, которая беспорядочно прыгала и раскачивалась вокруг него. В конце концов он остановился. Тут же остановились и свет лампы, и тени в помещении. Он поднес лампу к бедру, в котором теперь ощущалось легкое жжение, и различил в ее свете две маленькие красные точки. Видимо, тварь была быстрее и успела его укусить, прежде чем он ее отшвырнул.

Он погасил лампу, поставил ее рядом с ящиком и вернулся в постель, но уснуть так и не смог. Жжение на бедре вокруг укуса разгоралось всё сильнее и сильнее, и к рассвету уже казалось, будто с ноги сдирают кожу.

Наконец он встал с койки и направился в угол, где лежали вещи. Через щели в дощатой крыше на них лоскутами падал свет утреннего солнца. Налив воды в жестяную миску, он снял с гвоздя мочалку, опустил в воду, отжал и прошелся по лицу, груди, спине и подмышкам. Надел рубашку, натянул брюки до колен и остановился, некоторое время разглядывая укус на бедре. Две точки, источавшие боль, теперь почернели, и вокруг них образовалось небольшое вздутие. Он подтянул брюки, заправил рубашку, затянул ремень и застегнул пояс там, где ткань заломилась складками. Прополоскал мочалку и вернул ее на гвоздь, окинул внимательным взглядом пол, стены, потолок и вышел.

Этим утром патрулирование местности пришлось прекратить, когда солнце еще только подбиралось к зениту. Люди уже были не в силах и дальше сидеть в машине на таком пекле. Кто-то дотронулся до корпуса автомобиля и обжегся – так он раскалился. Время шло к полудню 10 августа 1949 года.

В лагере солдаты ютились в крошечных клочках тени у палаток. На открытых, залитых солнцем участках каждая песчинка с рассвета впитывала нацеленные на нее лучи – находиться там было невозможно. Однако его всю поездку мучил не зной, а приступы острой боли в животе, и, выйдя из машины, он тотчас же направился к себе, не задержавшись в командирской палатке и не проверив положение дел в лагере.

На столе по-прежнему стояла миска с грязной после утреннего мытья водой. Он выплеснул содержимое на песок рядом с хижинкой, налил чистой воды из канистры, разделся до тру-

сов, снял с гвоздя мочалку, намочил ее и принялся мыться: сначала лицо, потом шею, грудь и, насколько мог дотянуться, спину. Прополоскав мочалку, он обтер руки, подмышки и в последнюю очередь ноги, кроме места укуса – оно еще сильнее распухло и покраснело. Тщательно промыв мочалку и вернув ее на гвоздь, он достал из угла, где были сложены его вещи, небольшой ящичек. Поставил его на стол и вынул спирт, вату и бинты. Пропитав вату спиртом, он очень осторожно продезинфицировал место укуса; закончив, наложил бинт, направился к постели и лег. Его спину и плечи свело резкой судорогой.

Им казалось, что бесполезно исследовать местность еще и во второй половине дня и поискать укромные места, но это никак не помогло обнаружить партизан. Однообразные песчаные дюны, окружавшие людей со всех сторон, хранили молчание и скрывали любые следы, кроме борозд от колес военного автомобиля.

Тем временем в лагере длился день, и жара свирепствовала. Солдаты медленно отступали в тень, следуя за ее перемещениями возле палаток. Вернувшись после осмотра территории, он немедленно направился к группе бывалых бойцов, хотя боль в животе, мучившая его с утра, усилилась. Он начал с того, что посвятил однополчан в детали сегодняшнего патруля, а потом расспросил, как они привыкают к местным условиям и жаре, особенно на учениях. Выслушав немногословные ответы, он подчеркнул, насколько важно присутствовать здесь и провести учения – последнее едва ли не важнее, чем боевые действия вне лагеря. Их присутствие и настойчивость имеют решающее значение для охраны порядка в регионе, установления новой границы с Египтом и ее охраны от партизанских вылазок, независимо от того, в каких еще военных операциях каждый солдат участвовал прежде. С момента перемирия их взвод был первым и единственным, что достиг крайней южной точки, и на них лежит полная ответственность за безопасность на территории.

По дороге в свое жилище он заглянул в командирскую палатку, где после дневной поездки отдыхали его заместитель, сержанты дивизий и водитель, и сообщил, что до темноты их ждет еще один патруль.

Потом был еще патруль, и на другой день, и на следующий тоже. Однако в этих краях они обнаружили только песчаные бури и тучи пыли, которые словно нарочно преследовали людей и стремились им навредить. Но и бурям не удалось остановить поиски, и безмолвие пустынных холмов не пошатнуло его решимость найти оставшихся здесь арабов и схватить партизан – те стремительно скрывались в дюнах, заслышав рев мотора. Иногда перед ним мелькали их тонкие черные силуэты, подрагивая меж холмов, но, когда машина с ревом разворачивалась и добиралась до места, команда не находила никого.

Положить конец этой охоте могли только жара или тьма. Только когда у команды не оставалось сил выносить палящее солнце или когда смеркалось, он приказывал водителю возвращаться в лагерь.

После заката воздух становился уже не таким густым и тяжелым, а жара делалась терпимой. Тогда оживлялись солдаты, которые с момента прибытия не покидали не то что пределов лагеря, но даже тени у палаток, в которой немедля искали убежища после ежедневных учений. По вечерам по территории раскатывались смех и разговоры, не смолкавшие до десяти часов, когда рядовые удалялись в свои палатки, а он уходил к себе.

Хижину, где он жил, заполняла плотная, непроглядная тьма. Время от времени туда просачивались звуки – они казались отрывистым, неясным ропотом. Но постепенно можно было

различить, как хлопают от ветра тенты палаток, как шагают солдаты, охраняя лагерь, раздавались внезапные возгласы, а среди этого шума – далекие выстрелы, собачий лай, а может, и рев верблюдов.

Он истекал потом и с трудом вдыхал застоявшийся в комнате воздух, сидя за столом перед разложенными на нем картами. Снаружи доносились голоса, от которых голова болела всё сильнее. Он не разделся, даже не снял обувь, и внутри ботинок, которые он носил с утра, пальцы ног утопали в поту. Время близилось к полуночи 11 августа 1949 года. Он медленно подвинул руки к краю стола, согнул ноги в коленях и попытался подтянуть тело вверх, но тут же пошатнулся и откинулся на стуле. Со второй попытки ему удалось подняться. Он поплелся вглубь комнаты, наклонился над ящиком в углу, взялся за защелки, открыл их и поднял крышку. Пошарив рукой внутри, он извлек коробку с патронами, на секунду замер, вернулся к столу, поставил на него коробку и дрожащими руками принялся набивать патронами нагрудные карманы. Пот из-под волос катился по вискам и щекам. Опустошив коробку, он взял винтовку, что стояла у стола, и с оружием на плече вышел.

Тьма снаружи казалась не такой уж и непроницаемой, хотя полнолуние миновало две ночи назад и луна шла на убыль. На миг он остановился у ворот лагеря, ожидая, пока часовые ему откроют, и направился на запад, к угольно-черным холмам, постепенно его поглотившим.

Он долго шел, преодолевая боль в животе и спазмы в спине. Его шаг становился всё более сбивчивым и неверным – песок под ногами то и дело предавал его, то поднимаясь, то опадая. Однако он не прекращал двигаться навстречу тьме, из складок которой иногда слышался далекий вой, пока коварный крутой склон не застал его врасплох, швырнув к подножью.

Наконец он приземлился на песок и начал было вставать, но от внезапных спазмов в руках и ногах снова рухнул на землю. Тогда он слегка изменил позу, принимая сидячее положение, и сделал глубокий вдох, чтобы успокоить дыхание. Но напряжение в груди от этого не прошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.